

ХЕРСОНЕС АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ЦЕРКОВНЫЙ

АЛЛА РОМАНЧУК

Археолог, профессор, доктор исторических наук, академик Академии гуманитарных наук, один из ведущих византинистов России, специалист по христианской археологии. В 1969-2001 гг. – руководитель Крымской археологической экспедиции Уральского Государственного университета, руководитель раскопок в Херсонесе Таврическом и его окрестностях.

Истоки интереса к истории Северного Причерноморья в целом, и в частности к Херсонесу, в российской историографии относятся к концу XVII в., когда в 1692 году была опубликована работа А. Лызлова «Скифская история».

Можно вспомнить и целый ряд внешнеполитических событий: поход Ивана Грозного в Крым, Азовские походы Петра Первого. А при Анне Иоановне войска Миниха располагались в Крыму в 20–30 верстах от Херсонеса. Всего лишь через 45 лет, в конце 1882 года Г. Потемкин писал о присоединении Крыма: «Таврический Херсонес! Из тебя истекло к нам благочестие, смотри, как Екатерина Вторая паки вносит в тебя кротость христианского правления».

О стремлении увековечить «колыбель веры» на карте Российской империи свидетельствует появление такого города как Херсон, правда, значительно западнее древнего. Объяснение такого местоположения отчасти следует искать в «Истории Российской» В. Н. Татищева, который уделял большое внимание географической номенклатуре.

Начиная с Потемкина, памятникам древности на землях Новороссии и, безусловно, Херсонесу придавалось большое значение. С археологиче-

ской целью была снята целая серия карт в 1773–1774 гг., на протяжении 1771–1790 гг. появились многочисленные зарисовки планировок городища. По поручению Потемкина католический архиепископ Могилевский Сестренцевич-Богуш написал «Историю царства Херсонеса Таврического» — труд, изданный в 1800 году в Париже, а в 1806 году переведенный на русский язык.

Как отмечали историки конца XIX в., Александр I с самого начала своего царствования обратил внимание на Херсонес — «жемчужину в русской короне», решил воздвигнуть памятник,

который ознаменовал бы место, «из коего возникла заря истинной религии». Однако полагать, что на Херсонес было обращено внимание только лишь потому, что из него «возникла заря истинной религии», было бы неверным, о чем свидетельствуют и документы, и первая информация о раскопках в Херсонесе.

У истоков идеи строительства храма в память о крещении здесь Владимира стоял А. С. Грейг, который в своем

«Отношении на имя обер-прокурора Синода» писал о том, что он по долгу службы часто бывает в Херсонесе, вспоминает св. Владимира. И далее: «С сожалением видел, что место, бывшее свидетелем столь блистательным его памятником,

В ХЕРСОНЕСЕ, БУДЬ ЭТО
СОЗДАНИЕ МОНАСТЫРЯ,
ВОЗВЕДЕНИЕ СОБОРА
СВ. ВЛАДИМИРА
ИЛИ НАУЧНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ,
ВОЕДИНО СПЛЕТАЛОСЬ
НЕСКОЛЬКО ВЕКТОРОВ
ИНТЕРЕСА

Грейг Алексей Самуилович (6 сентября 1775, Кронштадт – 18 января 1845, Петербург) родился в семье шотландского морского офицера Сэмюэля Грейга, перешедшего на российскую службу из английского флота в гине капитана 1 ранга. В марте 1816 года А.С. Грейг получил назначение на должность главного командира Черноморского флота, одновременно – военного губернатора Севастополя и Николаева.

который тем более казался нужным, что развалины оного, оставаясь без всякого надзора, были беспрестанно истребляемы, и что со временем оные и вовсе могли исчезнуть так, что любопытный не нашел бы и знака существования города некогда знаменитого».¹

Удалось ли действительно найти тот храм, в котором, согласно легенде, крестился Владимир?

В первой половине XIX в. существовало мнение (время от времени оно звучало и позднее в монастырской среде), что храм, в котором был крещен князь Владимир, некогда существовал на центральной площади Херсонесского городища, где и был во второй половине XIX века возведен собор св. Владимира.

Обнаружение на территории городища многочисленных храмов привело к стремлению соотнести археологические реалии с имеющимися в агиографической литературе топографическими деталями — выявить какому святому был посвящен тот или иной храм, но, пожалуй, наибольшее внимание было уделено базилике, раскопанной А. С. Уваровым.

Русский филолог и эпиграфист В.В. Латышев (вслед за ним этой точки зрения придерживается современный историк С.А. Беляев и некоторые другие) полагал, что так называемая Уваровская базилика является храмом св. апостола Петра. Однако, несмотря на авторитет выдающегося российского эпиграфиста, следует учитывать и иные мнения. В частности, в фундированной монографии, посвященной ранневизантийскому Херсону, харьковский исследователь С.Б. Сорочан, оппонируя Беляеву, весьма справедливо полагает: «поспешно заявлять, что “с таким отождествлением согласны все исследователи и разномыслии в том вопросе нет”».²

1 Отношение Главного командира Черноморского флота и портов адмирала Грейга на имя обер-прокурора Синода кн. Петра Сергеевича Мещерского, 30.03.1829. № 2948 // Арх. НЗХТ. Д. 39. Л. 10–11.

2 Сорочан С. Б. Византийский Херсон: Очерки истории и культуры (вторая половина VI – первая половина X вв.). Харьков, 2005. С. 770. (В кавычках он привел слова Беляева С.А. из «Исторические предпосылки постройки кафедрального храма Херсонеса во время Константина Великого // Судея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси – Украины. Киев; Судак. 2002. с. 34).

Поиски места крещения Владимира важны и в контексте вопроса об отношении к памятнику. Причем в данном случае не имеет значения связь памятника с одним из знаменательных событий в истории церкви. Дело в том, что в 1997 г. несмотря на протесты дирекции заповедника «Херсонес Таврический», в крещальню была вмонтирована железная ротонда. По этому поводу историки писали: в последние годы «произошли существенные сдвиги в месте православной церкви в идеологической жизни. <...> Однако этого нельзя сказать о некоторых ее служителях, совершающих акты вандализма в отношении бесценных памятников Древности, в том числе и связанных с историей самой православной церкви».³ Уместно вспомнить слова первого заведующего Херсонесским городищем К.К. Косцюшко-Валюжинича. Сожалея о возникавших время от времени разногласиях с монастырским руководством, он писал: монастырь должен существовать для Херсонеса, а не Херсонес для монастыря.

Разрывать, тем более противопоставлять Херсонес как памятник древней цивилизации и место крещения Владимира вряд ли правомерно: в Херсонесе, будь это возведение собора св. Владимира или научные исследования — разные вектора интереса сплетались воедино.

Безусловно, возведение собора св. Владимира отражает стремление увековечить память о крещении Руси. Показательно, что в комитет по строительству храма, созданный в 1859 году, входили как священнослужители (архимандрит Балаклавского монастыря Геронтий и игумен Херсонесской обители Евгений), так и люди, не связанные с церковью (архитектор подпоручик Вяткин, инспектор Севастопольского карантина Хмелевский и др.). А «строила храм» вся Россия, граждане которой собирали для этого средства. И вряд ли можно усомниться в том, что храм воспринимался всеми согласно прокламируемой идее — храм-памятник в древнем городе, ставшем «колыбелью истинной веры».

3 Сорочан С. Б., В. М. Зубарь, Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 586.

Но нельзя забывать и значение Херсонеса при изучении истории развития византийской цивилизации и античной культуры. Причем более поздний период стоит поставить на первое место по научной значимости. Приведу слова А. Л. Бертье-Делагарда: «Из-за состояния остатков можно было бы сделать вывод о бесполезности раскопок; для античного времени существуют более величественные памятники. Но много ли таких мест для находок византийских? Вот в этом отношении важность раскопок в Херсонесе чрезвычайная, даже почти единственная, так как не скоро найдется город, брошенный в XIV в. и, стало быть, дающий находки без примеси новейших. В Херсонесе нам открывается весь быт, вся культура византийского города, тем более интересные, что они относятся к обыденному мелкому городку, а не крупному, исключительному центру. <...> Это особенно важно, если вспомнить значение этого города в нашей истории, политической, а особенно церковной».⁴

Вполне очевидно, что для церкви Херсонес — это, прежде всего, «святое место». Достаточно вспомнить архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (с 1848 по 1857 г.). Он оставил наибольший след в церковном строительстве в Крыму, «возрожда» древние монастыри. Хотя, замечу, почитание святых мест в Крыму, оказание помощи монастырям, стремление сохранить имеющиеся здесь «истинные» мощи святых вос-

ходят к более ранним временам. «Возрождение» и строительство православных храмов в Крыму приходится еще на конец XVIII в.; так, в 1792 г. неподалеку от Балаклавы возобновилась деятельность Георгиевского монастыря.

Безусловно, для архиепископа Иннокентия судьба руин древнего города стояла не на первом

месте. Место крещения князя Владимира стало для него отправной точкой в превращении (пусть не состоявшемся) Таврики в Новый Афон. При нем был возрожден Успенский скит, открыты 4 киновии (среди них — Херсонесская св. Владимира, Инкерманская св. Климента) и 2 скита. С Инкерманом агиографические источники связывают

В ПРОЦЕССЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ХЕРСОНЕССКОГО ГОРОДИЩА НИКОГДА НЕ ОТДАВАЛОСЬ ПРЕДПОЧТЕНИЯ АНТИЧНОМУ ПЕРИОДУ

пребывание в Крыму апостола Андрея и, возможно, местонахождения в ссылке Климента (А. Л. Бертье-Делагард вполне убедительно доказывал, что св. Климент отбывал ее не в окрестностях будущего Инкермана).

Однако, пытаясь понять, чем же был для Иннокентия Херсонес в первую очередь — древним городом или местом крещения Владимира, следует помнить, что иерарх был высокообразованным человеком (академиком Императорской академии наук, участником Императорской археологической комиссии) и, конечно, не был чужд светских «исторических знаний». Во второй половине XIX века раскопки в Херсонесе финансировались и Синодом, и Министерством народного просвещения — в исследовании древнего города сочетались интересы светских и церковных властей.

В Херсонесе с первых лет раскопок сочетались

⁴ См.: Бертье-Делагард А. Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. № 12. С. 16–18.

два вектора интереса — исследовательский и церковно-политический. Так, в «Исторической записке о сооружении в Херсонесе храма св. Равноапостольного князя Владимира» крымский историк Ф. Лашков писал о Херсонесе: во-первых, это «памятник ныне исчезнувшей цивилизации», а, во-вторых, овладевший им Владимир «сделал его своей купелью» и перенес христианство на Русь.⁵

Нельзя не упомянуть еще одно имя — это председатель Московского археологического общества графиня П. С. Уварова (1840–1924). Благодаря ее «Записке», адресованной императору Александру III, началось систематическое исследование Херсонеса. Знаменательны ее слова: «Древняя святыня земли русской — город Корсунь или Херсон дорог сердцу каждого русского. Здесь на берегу Черного моря равноапостольный князь Владимир венчался и принял святое крещение; отсюда свет христианства распространился по всей России. Святыня эта должна быть дорога всякому русскому сердцу; должна быть известна всей грамотной России; должна служить основанием при изучении русской архитектуры и русского искусства. <...>

Повели, Государь, и древний Херсонес станет русской Помпеей, заинтересует всю благомыслящую Россию, привлечет к изучению своих Древностей не только русских ученых, но и путешественников из Западной Европы. <...>

Труден и тернист путь, по которому пойдут первые работники и исследователи испорченного хищениями Херсонеса».⁶

Херсонес-Херсон имел особую значимость и в глазах российских императоров. Это подчеркивалось во многих официальных документах, среди прочего ссылались на пункт 3-й Высочайше одобренных предложений от 12 июня 1887 г. Так Одесский генерал-губернатор Рооп писал Севастопольскому градоначальнику: необходимо обеспечивать неприкосновенность «общерусской православной святыни».⁷

Вновь неожиданная ракурс предстает Херсонес в исследованиях профессора Петербургского-

Ленинградского университета Д. В. Айналова (1862–1939). В «Докладной записке об исследовании Херсонеса» начала XX в. он писал: «Херсон приобретает особенно важное значение для Древней Руси в ее стремлении выйти к Черному морю и являлся связанным с Тмутараканским княжеством. <...> Указанные факты делают понятным значение Херсонеса для всякого русского человека».⁸

В связи с этим не будет лишним вспомнить о некоторых сюжетах «Повести временных лет». Так, в повести в близкое к событиям Корсунского похода время упоминается сын Владимира Мстислав — князь Тмутараканского княжества. А в 1068 г. князь Глеб измерил расстояние по морю между Корчевым и Тмутараканью. Следовательно, Восточный Крым в середине XI в. являлся зоной влияния Руси.

Тем самым, Херсонес приобретает еще одно значение, но уже в свете геополитического положения Руси в Таврике — проблемы, пока мало исследованной.

В «Корсунской легенде», описывавшей поход князя Владимира на Корсунь, есть и некоторые топографические детали. Но насколько они соотносятся с археологическими реалиями?

На уровне гипотез можно говорить о том, что отдельные фрагменты «Корсунской легенды» «созвучны» с данными археологических раскопок. Не развивая теории создания гипотез, «участия» в этом авторефлексии исследователя, проиллюстрирую,

как был сформулирован вывод о повсеместном пожаре и разрушении Херсона во время Корсунского похода. При раскопках ряда кварталов в северной части городища были обнаружены слои разрушения с находками, отнесенными тогда к X в., и монеты, выпущенные в период правления византийского императора Василия II (976–1025). На основании это заключили, что слой разрушения отложился в конце X в. А для того, чтобы обосновать наличие монет Василия II (все-таки он правил и в XI веке), применили «логику»: поскольку для XI в. не известно столь крупных событий, которые могли бы привести к возникновению повсеместного пожарища и разрушениям, образование слоя следует отнести к концу X в.

8 Айналов Д. В. Докладная записка об исследовании Херсонеса, протокол МАО № 0528 // Арх. НЗХТ. Д. 41. Л. Л. 23.

ПЕРВЫЙ ЗАВЕДУЮЩИЙ ХЕРСОНЕССКИМ ГОРОДИЩЕМ К. К. КОСЦЮШКО- ВАЛЮЖИНИЧ ПИСАЛ: МОНАСТЫРЬ ДОЛЖЕН СУЩЕСТВОВАТЬ ДЛЯ ХЕРСОНЕСА, А НЕ ХЕРСОНЕС ДЛЯ МОНАСТЫРЯ

5 Лашков Ф. Ф. Историческая записка о сооружении в Херсонесе храма св. равноапостольного князя Владимира и архивные данные, относящиеся к истории сооружения этого храма // ИТУАК. 1888. № 5. С. 5–18.

6 Записка Председателя Московского археологического общества П. С. Уваровой, адресованная императору Александру III // Арх. ИИМК. Ф. 1/1887. Д. 22. Л. 16, 23.

7 Предложения временного Одесского Генерал-губернатора Роопа от 22.06.1887 г. на имя Севастопольского градоначальника // Арх. ИИМК. Ф. ИАК, 1/1894. Д. 250. Л. 4.

«Корсунская легенда» внесла окончательную редакцию в летописное повествование о Крещении Руси и обрисовала черты канонического жития святого князя Владимира. Основные моменты «Корсунской легенды» вошли в Начальный летописный свод (приблизительно 1093 год) — главный источник «Повести временных лет». Составителями легенды, как считал академик А. А. Шахматов, были потомки корсунского духовенства или люди близкого круга.

Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении князя Владимира. СПб., 1906.

На мой взгляд, на основании «Корсунской легенды» возможна другая гипотеза:

1. Херсониты сами открыли ворота города (в данном случае неважно, что заставило их это сделать);
2. Владимир и его дружина располагались внутри стен города, ожидая прибытия принцессы Анны;
3. В источнике упоминается о палатах, в которых раздельно жили и Владимир, и принцесса Анна;
4. Владимир был крещен в действующем храме, а не среди развалин. Аргументы, доказывающие, что «повсеместного пожарища» не было, можно продолжить. Но главное состоит в другом: в ходе последующего анализа нумизматического материала выяснилось, что монеты относились ко времени совместного правления Василия II и Константина VIII (1016–1025). Так возникла гипотеза о землетрясении, последствия которого и нашли археологи в слое разрушений.⁹ Среди исследователей Херсонеса есть как сторонники этой гипотезы, так и ее критики.

И закончить мне хотелось бы словами человека, не имеющего отношения к научным исследованиям — донского сотника Нестерова: «Лишать науку дальнейшего развития, не производя полезных изысканий, жалеть средства на них, не обогащать хранилища Древностей коллекциями, — все это непростительно для каждого любящего науку, свою родину, а, следовательно, ее Древности».¹⁰

⁹ Романчук А. И. Исследования Херсонеса–Херсона: Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Фундаментальное руководство для дистанционной последующей подготовки. В 2 т. Тюмень, 2008. т. 2. С. 406–410.

¹⁰ Нестеров, сотник. О раскопках в Донецкой области // Арх. ГИМ. ОПИ. Ф. 17. Ед. хр. 561. Л. 32.